

Театральные иллюзии уходящего века

Спектакль «Сахалин» в постановке Геннадия Дурнайкина
в антверпенском театре «Южный полюс»

«Сахалин — это нечто такое далекое, что кажется обманом. Сахалин — это так далеко, что, может быть, он и не существует. Но люди говорят: «Ах, Сахалин!» — и начинают что-то вспоминать». — говорит Г. Дурнайкин.

Остров, именем которого назван спектакль, столь отдален от королевства Бельгии и от города Антверпена, где играется спектакль, что возникают сомнения в его реальном существовании.

«Сахалин — это лагеря, это подневольная работа тысяч заключенных», — продолжает он.

Для режиссера спектакля в названии присутствует биографический момент: это еще и дань памяти его семье, судьба которой была связана с Сахалином.

Сцена находится между зрительских рядов в пространстве разомкнутого амфитеатра. Нет «угла и овала», есть принцип недосказанности, текучести форм, их взаимопревращений. Зрители смотрят на себя сквозь зеркало сцены и видят свое отражение друг в друге.

Элементы сценографии «летучи» и иллюзорны; это элементы временного непостоянства, символы исчезновения. Созданный из песка остров, силуэтом напоминающий акулу; нити из перьев, висящие вдоль сцены и напоминающие постоянно падающие снежные хлопья. Из перьев же сотканный корабль. Нависший над сценой деревянный шар-глобус, сделанный в Сергиевом Посаде. В вещной иллюзорности материала наиболее «плотными» являются белые штандарты, обрамляющие сценическое пространство, создающие его вертикальный разрез. Написанные на них изречения

разом-мыслью, которая перехватывается следующей литературной вставкой. Это поэтическое сцепление органично объединяет разных авторов (монолога Нины Заречной из «Чайки», текст Кавабаты о празднике хризантем, отрывки из «Бесов» и «Идиота»), из которых основным, сущностным является Достоевский. Г. Дурнайкин называет течение действия пьесы «книгой без начала и конца». Слово-мысль, слово-образ первичны, омузыкалены, зачастую многоязыки (в спектакле, играемом на нидерландском, звучит и русская, и французская, и итальянская речь).

На сцене — две женщины, актрисы, называющие в спектакле свои подлинные имена: Ассунта и Ли (А. Геенс и Л. Ильяэнс). Спектакль строится на ожидании их возлюбленного, любви, которую они «разыграли» между собой в начале действия. Он приходит во тьме, светильники погасли. Звучит только голос, только слово...

Осмысление ситуаций, предложенных литературой, входит в биографию актрис и раздвигает ее рамки. В спектакле исследуется возможность проживания пути литературных персонажей, их взаимопревращения — в потоке сознания, в бесконечном диалоге-ожидании. Актрисы, словно наощупь, движутся, как бы примеряя чужие судьбы, в поисках реальности, которая отступает, отодвигается, оставляя их в театральном царстве иллюзий.

Спектакль «Сахалин» — своеобразная ловушка, из которой зритель должен выбраться сам. Ловушка, в которой много «подмен»: название «Сахалин» дает ассоциацию с Чеховым, а вместо него звучит

Г. Дурнайкин и С. Гайдуков (справа) после спектакля.

словно «держат» сцену. Слова христианской молитвы, иероглифические надписи из японской чайной церемонии, цитата из Лао Цзы. Спектакль оформил приехавший из Италии художник Сергей Гайдуков (кстати, в фойе развернута выставка его работ).

Построение литературного сценария «Сахалина», написанного Г. Дурнайкиным, напоминает венок сонетов. Конец каждого литературного отрывка (из Достоевского, Борхеса, Чехова, Арсения Тарковского, Кавабаты) завершается об-

Достоевский. Ловушка времени и пространства: действие большинства отрывков перенесено в Антверпен, свобода географических сдвигов говорит об относительности расстояний. В форме театральной фантазии создатели спектакля ставят перед зрителем вечный вопрос о подлинности человеческого бытия.

ЕЛЕНА ЛОПУШАНСКАЯ

Антверпен